

Кострюк-Мострюк

(Симбирск. губ., Сенгилеевск. у.)

Как у нас было, братцы, на святой Русе,
Во матушке каменнóй Москве,
Поизволил царь жениться,
Еще царь-государь,
Царь Иван сударь Васильевич.
Он берет не у нас во Русе,
А берет в проклятой Литве,
У того ли у татарина,
У мурзы, дочь, у боярина,
У того ли Кострюка-Мострюка,
Кострюка Темрюковича,
Через бóльшую меньшúю берет,
Он Марью Темрюковну.
Он затем через большую
Меньшую берет, —
Она много приданого дает:
Она двести татаринoв,
Пятьдесят бояринов,
Пятьсот донских казаков,
Что ни лучших добрых мóлодцев.

И пошел пир навеселе,
И беседушка на радости.
Уж все гости пьют, едят, кушают,
Оне пьют, едят, кушают,
Бела лебедя рушают,
На царя лиха не думают.
Один гость не пьет, не ест, не кушает,
Бела лебедя не рушает,
На царя лихо думает:
Уж тот же гость Кострюк-Мострюк,
Кострюк-Мострюк Темрюкович,
Молодой черкашенин.

Он и просит у царя борцов,
Что борцов — удалых молодцов,
Что ни лучших добрых молодцев.

И лучился тут дядюшка,
Князь Никита Романович:
«Я пойду, царю, братцы, скажу,
Я пойду, государю доложу:
Ты о еси, царь-государь,
Царь Иван сударь Васильевич!
Уже все гости пьют и едят,
Они пьют, едят, кушают,
Бела лебедя рушают,
На царя лиха не думают.
Один гость не пьет, не ест, не кушает,
Бела лебедя не рушает,
На царя он лихо думает:
Еще тот же гость — Кострюк-Мострюк,
Кострюк-Мострюк Темрюкович,
Молодой черкашенин.
Он и просит у царя борцов,
Борцов, удалых молодцов,
Что ни лучших добрых молодцев».
Уж и тот же царь-государь,
Царь Иван сударь Васильевич,
Он выходит на Красен крылец,
Взговорил как в трубу затрубил:
«Уже нет ли в Москве борцов,
Борцов, удалых молодцов,
Что ни лучших добрых молодцев?
Оне шли бы на царский двор,
Без всего безопасышно,
Без всего бездокладышно!»

Не случилось в Москве борцов,
Борцов, удалых молодцов,
Что ни лучших добрых молодцев:
А случилися два брата родных,
Два Василия Васильевича.
Они же со Низовой стороны,

Уроженцы веселá гóрода,
Александровской Слóбоды.
Они шли же на царской двор,
Без всего безопасышно,
Без всего бездокладышно;
Они полы-ты затыкивали,
А сапожки потягивали,
Они шапочки заламывали,
Усы зá уши закладывали.
Тот же царь-государь,
Царь Иван сударь Васильевич,
Взговорил таковыя словеса:
«Ты о еси, дядюшка,
Князь Никита, ста, Романович!
Ты поди-ка, попотчивай гостей,
Ты поди-ка, поклáняйся!»
И пошёл к ним дядюшка,
Князь Микита, ста, Романович,
Он и стал гостей потчивать,
Он и стал гостем кланяться:
«О вы о еси, гости званые,
О вы, гости, ста, бра́ныя!
Вы пожала-ста покушайте,
Бела лебеда порушайте,
На царя лиха не думайте!
О ты о еси, Кострюк-Мострюк,
Кострюк-Мострюк Темрюкович,
Молодой черкашенин!
Еще вот тебе и хлеб да и соль,
И вот к тебе борцы пришли,
Борцы, удалые молодцы́,
Что ни лучши добры мóлодцы!»
Еще кинулся Кострюк-Мострюк,
Кострюк-Мострюк Темрюкович,
Молодой черкашенин:
Он и семь скамей поломил,
Он много людей подавил,
Он двести татаринов,
Пятьдесят бояринов,

Пятьсот донских казаков.
Он пошёл же на царский двор.

Да и тот же Васильюшка,
Что Васильюшка Маленькой,
Он сделал с ним схватычку,
Еще с тем же Кострюком-Мострюком,
С Кострюком-Мострюком Темрюковичем,
С молодым татарченком.

Оне стали бороться,
Оне стали водитися.

Уж Васильюшка,
Что Васильюшка Маленькой,
Он и сам на себя попустил:
Уже стала пошибычка
Того ли Кострюка-Мострюка,
Кострюка-Мострюка Темрюковича.
Он встал, да и сам похваляться стал:

«Уже я запер землю Шведску,
Я запер Литовскую,
Я запру камену всею Москву!»

Уж и тот Васильюшка,
Что Васильюшка Маленькой,
Возговорит таковыя словеса:
«О ты о еси, царь-государь,
Царь Иван сударь Васильевич!
Не можно ли Кострюка побороть,
Не можно ли нагого пустити,
Нагого, в чем мать родила?»

Взговорит тут царь-государь,
Царь Иван сударь Васильевич:

«Ты о еси, Васильюшка,
Что Васильюшка Маленькой!
Ты пожалуй, побори мне Кострюка,
Ты пожал-ста потешь меня, царя,
Как тебя мочь взяла!»

Еще тот Васильюшка,
Что Васильюшка Маленькой,
Он сделал опять схватычку,
С тем же Кострюком-Мострюком,

Кострюком-Мострюком Темрюковичем,
Молодым черкашениным.
Оне стали боротися,
Оне стали водитися.
Тот же Васильюшка,
Что Васильюшка Маленькой,
Он и взял крепко за белы его руки,
Он ударил об сыру его землю:
Что у него пуговики лопнули,
Да и петелки треснули.
Он и сшиб с него платье цветное,
И взял — да под пазуху поджал,
Он понес на царев на кабак:
«Из того-то я, братцы, царю служил,
Из того-то государю работал!»
Тот же Кострюк-Мострюк,
Кострюк-Мострюк Темрюкович,
Молодой черкашенин,
Он и встал, да сам шататься стал,
Он сором-ат ладонью зажал,
А сам в подклеть побежал.

Увидала его сестрица,
Марья Темрюковна:
«Ты крестьянин, крестьянин, блядь,
Деревенная, блядь, рогатины,
Крапивны, блядь, сѣмены!
Не надо бы Кострюка так бороть,
Не надо бы нагого пускать,
Нагого, в чем мать родила!»
Возговорит царь-государь,
Царь Иван сударь Васильевич:
«Уж ты баба
Ты бабье и знай!
Татарин-ат бесится,
А руск-ат тешится!»

(Записал Н. С. Ржевитинов)

Песни, собранные П. В. Киреевским, Ч. II. Песни былевые, исторические. Вып. 6. Москва. Грозный царь Иван Васильевич, 1864.